

К ВОПРОСУ О ЧАСТНЫХ ВИДОВЫХ ЗНАЧЕНИЯХ

Э. ГАЛНАЙТИТЕ

Кроме общих (абсолютных) грамматических значений видов, как известно, издавна выделяются так называемые частные видовые значения. В русской лингвистической литературе они понимались и понимаются по-разному, так как связываются либо с семантикой самого глагола или с грамматической семантикой сов. и несов. вида, либо с функционированием видов в языке. В современной аспектологии наиболее четко выделяются три направления в решении данного вопроса, критическому анализу которых и посвящается настоящая статья.

1. Частные видовые значения и способы действия

Неоднородность семантики глаголов сов. или несов. вида лингвистами была замечена уже давно. Поэтому среди глаголов, относящихся к тому или другому виду, нередко выделялись определенные группы глаголов на основе семантической общности, которые именовались подвидами, оттенками или частными значениями основных видовых значений. Все эти различные подвиды или оттенки с точки зрения современной аспектологии представляют собой не что иное, как словообразовательные (деривационные) значения отдельных приставок или суффиксов (ср. начинательный, определительный, однократный и др. подвиды)¹. Иначе говоря, определенные способы глагольного действия некоторыми лингвистами рассматривались — да и в настоящее время продолжают рассматриваться — как оттенки общих значений видов. Например, по мнению В. М. Никитевича, разные формы видов иногда выражают видовые оттенки повторяемости (ср. *разучить* — *разучивать*) и однократности (ср. *колоть* — *кольнуть*). Эти оттенки охватываются общим видовым значением, а „частный характер видовых оттенков формально проявляется в том, что видовые пары с тем или иным оттенком лексически ограничены“². И. Г. Голанов доказывает, что сов. вид имеет три подвида:

¹ Критический обзор см.: Виноградов В. В. Русский язык. Издание второе. М., 1972, с. 412—419; Маслов Ю. С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида. — В кн.: Славянское языкознание. М., 1963, с. 188—200.

² Никитевич В. М. Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963, с. 128—129. Ср. многократные и однократные глаголы как подвиды несов. и сов. видов и некоторые другие разновидности глаголов в кн. — Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И., Цапукевич В. В. Современный русский язык. М., 1961, с. 216.

„1) начинательный — *запел, заговорил...*; 2) окончательный — *допел, договорил...*; 3) однократный — *кольнул, махнул...*“, а несов. вид — многократный (*видывал*) подвид и два подвида у глаголов движения — моторно-кратный и моторно-некратный (*водить, вести*)³.

Еще больше частных значений сов. вида такого же типа выделяется в Грамматике-70. Это „разные значения ограниченности протекания действия во времени: начало действия: *пойти, запеть*; ограничение отрезка действия временными рамками: *поспать, поговорить*; законченности действия: *отговорить, ответить*; это может быть значение достижения результата с различными его оттенками: *выбелить, засолить, нашить, ...*; значение достижения количественного предела действия — однократности: *махнуть, прыгнуть* или уменьшительности: *всплакнуть, вздремнуть*“⁴. Как видим, к частным значениям сов. вида относятся многие значения семантико-словообразовательных разрядов глаголов, которые в Грамматике-70 рассматриваются и как способы глагольного действия⁵.

Аргументацию такой интерпретации частных видовых значений отчасти находим в монографии Н. С. Авиловой „Вид глагола и семантика глагольного слова“, автора раздела о видах глагола в Грамматике-70. Изучая специфику категории вида в связи с углубленным анализом семантики глагольного слова (отсюда и новый подход к исследованию видовой пары, зависящей от лексической семантики глагола), Н. С. Авилова выдвигает довольно спорный тезис „о специфическом характере грамматической абстракции вида, отличающейся от грамматической абстракции тех категорий, которые формируют глагольную парадигматику, а именно от категорий времени, лица, наклонения глагола“⁶ (разрядка наша. — Э. Г.). Следовательно, грамматическое значение вида является в меньшей степени абстрактным, отвлеченным (вид рассматривается как лексико-грамматическая категория), чем значения других категорий. Кроме того, признавая видовой парой как суффиксальные, так и префиксальные образования, автор подчеркивает „специфичность и меньшую грамматичность“ префиксальной видовой пары „как с точки зрения образования, так и с точки зрения большей зависимости от значения глагола по сравнению с имперфективной парой“⁷. Более того, ссылаясь на мысль В. В. Виноградова о важности отделения „чистого“ видового значения от значений, привносимых приставками⁸, Н. С. Авилова отмечает, что „чистое“ видовое значение „как абстрактное грамматическое значение вида“ следует понимать только „в видовой оппозиции, в видовой паре“ Во всех других случаях, когда глаголы не вступают „в видовую оппозицию, значение вида осложнено неграмматическими значениями, привносимыми в глагол приставками и суффиксами“⁹ (разрядка наша. — Э. Г.). Отсюда вытекает, что в концепции Н. С. Авиловой грамматическое значение видов выступает в двух вариантах: „чистое“ видовое значение у глаголов,

³ Голанов И. Г. Морфология современного русского языка. М., 1963, с. 150–154.

⁴ Грамматика современного русского литературного языка. АН СССР. М., 1970, с. 337 (далее — Грамматика-70).

⁵ Там же, с. 347–348.

⁶ Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976, с. 4.

⁷ Там же, с. 318.

⁸ Виноградов В. В. Указ. соч., с. 391.

⁹ Авилова Н. С. Указ. соч., с. 21.

составляющих видовую оппозицию, и видовое значение, осложненное значениями приставок и суффиксов, — у одновидовых глаголов. Следовательно, многие частные видовые значения, выделяемые в Грамматике-70 у одновидовых глаголов, и представляют собой соответствующие деривационные значения приставок и суффиксов. В связи с этим напрашивается вывод, что тезис „о специфическом характере грамматической абстракции вида“ создает возможность нечетко и непоследовательно отделять деривационные значения приставок от грамматического значения сов. вида.

Однако в упомянутой монографии частные видовые значения имеют и другую интерпретацию. Вид как грамматическая категория, по мнению Н. С. Авиловой, „выражается противопоставлением или оппозицией частных грамматических значений сов. и несов. вида“¹⁰ (разрядка наша. — Э. Г.). Такой подход наталкивает на мысль, что „чистое“ видовое значение не существует даже у глаголов, вступающих в видовую оппозицию. В концепции Н. С. Авиловой оно „обрастает“ дополнительными оттенками в зависимости от типа видовой пары, который выделяется с учетом семантики глаголов несом. вида¹¹. Например, глаголы несом. вида I типа видовой пары выражают „постепенное становление признака или становление состояния субъекта действия“, а соотносительные глаголы сов. вида — „завершение становления состояния субъекта, достигнутый этим неактивным действием внутренний предел“ (ср.: *слабеть* — *ослабеть*, *вянуть* — *увянуть*) и „не могут означать результативности“; глаголы несом. вида II типа видовой пары выражают стремление к достижению внутреннего абстрактного предела действия, замкнутого в сфере субъекта“, а глаголы сов. вида — „достижение этого предела“ (ср.: *петь* — *спеть*, *звонить* — *позвонить*), причем значение сов. вида „может быть уточнено значением достижения результата действия“; и, наконец, глаголы несом. вида III типа видовой пары выражают „стремление к достижению результата действия, направленного на объект“, а глаголы сов. вида — „достижение этого результата“ (ср.: *сушить* — *осушить*, *ценить* — *оценить*)¹² (разрядка наша. — Э. Г.). Следовательно, грамматическое значение сов. вида как „достижение внутреннего абстрактного предела действия“¹³ в „чистом“ виде выступает лишь во II типе видовой пары; в других случаях оно осложнено значениями неграмматического характера — результативности и завершенности действия. Указанные значения проявляются менее ярко в видовых парах, образованных путем имперфективации (несом. вид образуется от глагола сов. вида, ср. *подгнуть* — *подгибать*, *прискакать* — *прискакивать*), которые являются более „чистыми“, „грамматическими“, чем префиксальные¹⁴.

Из сказанного вытекает, что многие глаголы, обладающие указанными „частными“ значениями, можно рассматривать как парные глаголы, относящиеся к тому или другому способу действия. Абсолютное значение сов. вида (как и несом.) представляется нам именно как грамматическая абстрак-

¹⁰ Там же, с. 5.

¹¹ Ср. четыре семантических типа глаголов несом. вида (там же, с. 16—17).

¹² Там же, с. 183, 184, 193 и вообще раздел „Типы видовых пар“ (с. 167 и след.).

¹³ Там же, с. 23.

¹⁴ Там же, с. 163, 318.

ция¹⁵: ограниченность действия пределом характерна для всех глаголов сов. вида, как вступающих в видовую пару, так и для одновидовых. Стремление же доказать меньшую степень грамматичности видового значения в свою очередь ведет к сохранению некоторых, выделяемых по градации, частных видовых значений.

Таким образом, в указанных и других работах деривационные значения приставок и суффиксов до сих пор смешиваются с грамматическими значениями видов, хотя еще на IV Международном съезде славистов А. Мазон заявил: „Один обсуждавшийся ранее вопрос ныне уже решен: вид не должен более смешиваться с разновидностями глагольного действия (Aktionsarten). Все такие разновидности, как дуративность, итеративность, фреквентативность, дистрибутивность, начинательность (инхоативность), ингрессивность, мгновенность, однократность, результативность, финитивность, терминативность и другие многочисленные нюансы, которые покойный Сигурд Агрелль так хорошо выявил на материале польского языка, являются предметом исследования семасиологии и лексикологии“¹⁶.

Необходимость разграничения видов и способов глагольного действия подчеркивается в работах советских аспектологов. В настоящее время проводится усиленное изучение способов действия (Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко, М. А. Шелякин, Н. С. Авилова и др.). Однако традиционный термин „частные значения“ видов продолжает употребляться в аспектологической литературе, получив другое семантическое наполнение. В последние десятилетия в это понятие некоторыми лингвистами включаются все те дополнительные оттенки, которые приобретают общие (абсолютные) значения, реализуясь в различных типах контекста, в конкретных речевых ситуациях, т.е. которые выделяются на основе общеязыковой теории инварианта и вариантов¹⁷.

2. Частные видовые значения и функционирование видов

В настоящее время частные видовые (или частновидовые) значения¹⁸ многими лингвистами изучаются в связи с функционированием видов в языке. В основу их классификации обычно кладется система частных видовых

¹⁵ Ср. противоположное мнение Н. С. Авиловой, высказанное в связи с критикой другого направления: „Именно благодаря существованию связи категории вида с лексической базой нам представляется неправомерным находить в его семантике отвлеченную абстракцию целостности действия, а в видовой оппозиции видеть полное лексическое тождество членов видовой пары...“ (там же, с. 318).

¹⁶ Мазон А. Вид в славянских языках. (Принципы и проблемы.) М., 1958, с. 33.

¹⁷ Именно так понимаются частные значения всех грамматических форм: они являются вариантами общего грамматического значения, обусловленными контекстуально, ситуативно и даже лексически. (Шире см. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971, гл. II.) Ср. также критические замечания по этому вопросу — Ломов А. М. Категория глагольного вида и ее взаимоотношения с контекстом. — ВЯ, 1975, № 6, с. 55—58; Его же. Аспектуальная характеристика действия и ее типы. — В кн.: Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975, с. 64—69.

¹⁸ Говоря о частных значениях вообще, А. В. Бондарко отмечает, что этот термин „в известном смысле является условным: мы приписываем грамматической форме то, что выражается не только ею. Зато с другой точки зрения этот термин имеет прямой смысл без всяких оговорок: данная форма с ее общим значением является тем стержнем, который

значений, разработанная Ю. С. Масловым на материале болгарского языка¹⁹.

К частным значениям совершенного вида, как известно, относятся: 1) конкретно-фактическое (Он повторил мне свой вопрос.), 2) наглядно-примерное (Вот так всегда с Крыловым: перевернет все вверх ногами...), 3) потенциальное (Чего женщина не сделает, чтобы огорчить соперницу.) и 4) суммарное (Равняясь с нами, Алексей мигнул пять раз подряд.) значения.

Частные значения несовершенного вида следующие: 1) конкретно-процессное (Что же ты стоишь, батюшка?), 2) постоянно-непрерывное (Речка... вытекала из одного пруда и впадала в другой.), 3) наглядно-примерное (Каждый вечер... я подхожу к Павликовой хате...), 4) обобщенно-фактическое (... профессор Сотников решил не заходить в Институт мозга...), 5) потенциальное (А ты на скрипке играешь?), 6) неограниченно-кратное (Отец иногда бывает тяжел для собеседника.), 7) ограниченно-кратное (Уже два раза увольнялся из университета.)²⁰.

Все указанные значения, как видно из приведенных примеров, целиком и полностью зависят от контекста вообще и от наличия определенных лексических средств в частности (ср. хотя бы неограниченно-кратное и ограниченно-кратное значения, где решающую роль играют детерминанты *иногда*, *два раза*), а иногда и от лексического значения некоторых семантических групп глаголов (ср. постоянно-непрерывное и потенциальное значения). На эту зависимость указывают и сторонники выделения частных видовых значений такого типа, но, несмотря на это, все-таки подчеркивают, что упомянутые значения выражаются формами совершенного и несовершенного вида в контексте в связи и во взаимодействии с другими элементами аспектуальности²¹ и являются „вариантами общего семантического содержания видовых форм“²² (разрядка наша. — Э. Г.).

Несмотря на то, что в учении о частных значениях учитываются все „за“ и „против“, противоречивость такой интерпретации частных видовых значений, на наш взгляд, не снимается. Бесспорным фактом является то, что упомянутые значения возникают в результате взаимодействия глагола со значением сов. или несов. вида и контекста. В целом же данная концепция является дискуссионной и вызывает ряд возражений.

Во-первых, сомнение вызывает само наименование указанных значений. В реализации частных значений, как уже упоминалось, принимают участие

объединяет группирующиеся вокруг него частные значения. В этом смысле частные значения действительно принадлежат грамматической форме” (См. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст, с. 105; Его же. Вид и время русского глагола. М., 1971, с. 9.) Однако если они вносятся „со стороны“, обуславливаются лексическим значением слов, с которыми сочетается определенная словоформа, то едва ли они могут принадлежать грамматической форме. Такого типа значения, видимо, лишь сопутствуют общему значению формы в контексте.

¹⁹ См. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.

²⁰ См. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967, с. 52—58; Бондарко А. В. Вид и время русского глагола, с. 22—31; Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. Изд-во МГУ, 1968, с. 8. Примеры приводятся из указанных работ.

²¹ Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 52.

²² Бондарко А. В. Вид и время русского глагола, с. 21; ср. Рассудова О. П. Указ. с. 47, 50, 70 и др.

два взаимосвязанных компонента: глагол сов. или несов. вида в определенной форме времени и наклонения (а не видовая форма глагола) и контекст, т.е. соответствующие лексические средства. Роль этих компонентов различна с точки зрения плана выражения и плана содержания. Организующим центром в плане выражения этих значений, безусловно, является глагол, так как наречия и другие обстоятельственные слова, так или иначе характеризующие действие, обычно примыкают к глаголу. Центр тяжести в плане содержания падает именно на лексические средства (ср.: она писала письмо *вчера*; письма она писала *по вечерам*; писала *дважды*; эту страницу переписала *три раза* и т.п. и соответствующие — конкретно-процессное, неограниченно кратное, ограниченно-кратное и суммарное значения). Таким образом, лексические средства характеризуют само действие, выражаемое глаголом, уточняют способ выполнения этого действия в конкретных речевых условиях. По этой причине значения, вносимые лексическими средствами (или обусловленные контекстом), целесообразнее всего рассматривать как своеобразные контекстные (комбинаторные) значения, которые сопутствуют глагольной лексеме в целом при ее функционировании в речи.

Во-вторых, наличие обстоятельственных слов (или словосочетаний) не модифицирует ни значения видов (т.е. ограниченности / неограниченности действия пределом), ни конкретного лексического значения глагола. Иначе говоря, и лексическое, и видовое значение глагола в указанных контекстуальных окружениях остается постоянной, неизменной величиной. Поэтому напрашивается вывод, что „частные видовые значения“ (вернее, контекстные значения) в какой-то мере отражают лишь особенности функционирования видов в языке²³, закономерности лексической сочетаемости (валентности) глаголов и не могут быть вариантами общего значения видов.

Отмечая это, мы отдаем себе отчет в том, что проблема функционирования видов гораздо шире. Употребление видов, как известно, зависит не только от лексических средств указанного типа. Оно зависит как от языковых (лексическое значение глагола, значение формы, в которой употребляется глагол, структура и модальность предложения и проч.), так и от речевых факторов, изучению которых в настоящее время уделяется много внимания²⁴. Значит, вопрос о так называемых частных видовых значениях в таком понимании — это один из многих вопросов, входящих в широкую и большую проблему употребления видов в русском языке.

В-третьих, несмотря на то, что частные видовые значения такого типа признаются многими лингвистами, критерии их выделения до сих пор строго и четко не определены. Основными, пожалуй, являются следующие (они

²³ Ср. некоторые аналогичные значения инфинитива несов. и сов. видов, которые А. Мазон рассматривает как употребление видов (Мазон А. Употребление видов русского глагола. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 93–104), и „дополнительные оттенки видовых значений“, которые возникают в речи, в живом употреблении (Современный русский язык, ч. 1. Изд. 2-е, исправленное. Под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1976, с. 281–282).

²⁴ См. Рассудова О. П. Указ. соч.; Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 61–75; Бондарко А. В. Вид и время русского глагола, с. 176–234. Ср. также Спаллис А. А. Парные и непарные глаголы в русском языке. М., 1969, с. 251–315; Севолодова М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. Изд-во МГУ, 1975, с. 77–78, 97–98, 162, 204–205 и др., где автор рассматривает употребление видов в разных конструкциях.

в свою очередь представляют собой и особенности этих значений): 1) обусловленность указанных значений „определенными типами контекстуального окружения“ и 2) регулярность их повторения „в этих типах окружения“²⁵. При выделении отдельных частных значений нередко учитываются и другие факторы. Например, потенциальное значение сов. вида выделяется с учетом временной формы глагола и возможности замены глагола „сочетаниями *может/не может, можно/нельзя* плюс инфинитив. Например, *Женщины! женщины! кто их поймет?* (ср.: может понять)²⁶, т.е. применяется трансформационный метод исследования. При анализе частных значений несов. вида учитывается способ глагольного действия и т.п. Иначе говоря, каждый раз учитывается конкретная ситуация употребления глагола.

В-четвертых, неопределенность критериев, на основе которых выделяются те или иные частные видовые значения, в свою очередь вызывает сомнение в объективности их существования как таковых.

По мнению А. В. Бондарко, объективность выделения упомянутых значений подтверждается „повторяемостью и самой ограниченностью их числа“²⁷. Однако это утверждение является недостаточно аргументированным. Дело в том, что в настоящее время лингвистами выделяется неодинаковое число частных видовых значений²⁸. В связи с этим наблюдаются расхождения как в дефиниции, так и в понимании объема отдельных частных значений²⁹. Все это показывает, что типы контекстуальных окружений, в которых повторяются и которыми обуславливаются рассматриваемые значения, тоже строго не определены, как и принципы их выделения. Более того, при описании отдельных значений по поводу контекста имеются лишь указания общего характера (напр., значение обусловлено контекстом; оно создается в результате сочетания вида „с аспектуальностью, содержащейся в контексте“) или просто перечисляются конкретные лексические средства (ср. *два раза, трижды, несколько раз* и т.п.)³⁰, которые уточняют способ протекания действия.

²⁵ Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 52.

²⁶ Бондарко А. В. Вид и время русского глагола, с. 23. По мнению О. П. Рассудовой, данное значение „у формы будущего совершенного обнаруживается в различных конструкциях“ (Указ. соч., с. 95, 96). Формы времени учитываются А. В. Бондарко также при выделении конкретно-фактического и наглядно-примерного значений сов. вида (с. 22).

²⁷ Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 52.

²⁸ Ср. хотя бы уже указанные работы: О. П. Рассудова выделяет по три значения у каждого вида (с. 8); А. В. Бондарко в книге „Русский глагол“ — семь частных значений несов. вида“ (с. 55—58), а в книге „Вид и время русского глагола“ — шесть (с. 24—31), сов. вид в его работах имеет четыре значения. Исследование синтагматических оппозиций видов во всех грамматических формах глагола позволило М. А. Шелякину выделить десять значений несов. вида (см. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке. Автореф. докт. дис. Л., 1972, с. 15—22; далее — Автореферат).

²⁹ Например, потенциальное значение сов. вида, выделяемое А. В. Бондарко, рассматривается как оттенок наглядно-примерного значения в указанной работе О. П. Рассудовой (ср. с. 95—96; 70) и не выделяется вовсе М. А. Шелякиным (см. Автореферат, с. 22—24). Аналогичное ему значение „смог, удалось закончить действие“, „был в состоянии совершить действие“ анализируется А. А. Спигас как невидовое значение (см. указ. соч., с. 275). Разногласия в толковании отдельных частных видовых значений имеются и в зарубежной аспектологии (см. Маслов Ю. С. Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет. — В кн.: Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975, с. 32—35).

³⁰ См. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола, с. 22, 24, 26, 27 и др. В связи с этим заметим, что роль контекста и конкретных лексических средств лингвистами понимается по-разному. Если в работах А. В. Бондарко зависимость частновидовых значений

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что лексические средства указанного типа рассматриваются не только при анализе частных видовых значений, но и при исследовании функционально-семантической категории аспектуальности, а также — типов аспектуального контекста и временных планов глагола, т.е. при изучении разных сторон функционирования видов³¹. Однако роль и функциональные особенности этих средств интерпретируются по-разному. В первом случае подчеркивается их роль при выражении частных видовых значений; семантические же оттенки, вносимые ими, приписываются видовой форме глагола. Здесь они просто лексические средства или элементы аспектуальности. При описании функционально-семантической категории аспектуальности эти же показатели (типа *часто*, *долго*, *мгновенно*, *все время*) рассматриваются как один из элементов данной категории, т.е. как неглагольная лексическая аспектуальность. Они, по мнению А. В. Бондарко, „могут так или иначе характеризовать действие „со стороны“³². Вид взаимодействует с ними „лишь в контексте, только при функционировании глагольной формы, когда данный лексический показатель кратности, длительности, ... сочетается с обоими видами или лишь с одним из них, по-разному определяя, дополняя или уточняя характеристику глагольного действия“³³. Следовательно, подчеркивается уточняющая роль лексических средств, которая учитывается в меньшей мере при изучении функционирования видов на синтаксическом уровне³⁴.

Лексические средства, на наш взгляд, во всех указанных случаях выполняют единственную функцию, а именно: они уточняют, так или иначе характеризуют глагольное действие. Иногда же они дополняют те семантические признаки действия, которые не заключены в самой семантике глагола. Например, неопределенно-кратные глаголы движения свободно сочетаются с пока-

от контекста наглядна — не случайно среди значений сов. вида выделяется главное как в наименьшей мере обусловленное контекстом (Там же, с. 22; Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол, с. 54), то, судя по примерам, в интерпретации этих значений М. А. Шелякин роль контекста специально не подчеркивается: частные значения выступают в минимальном контексте, наличие лексических показателей необязательно. При выделении их учитываются синтагматические связи и семантика глагола (см. Шелякин М. А. Автореферат, с. 15—24).

³¹ Заметим, что функционирование видов в работах А. В. Бондарко рассматривается в связи с изучением именно указанных вопросов. В книге „Русский глагол“ оно связано с анализом частных значений и „временных планов и типов аспектуального контекста“ (см. с. 51—57), а в книге „Вид и время русского глагола“ — с анализом временных планов; изучение же частных видовых значений имется в разделе „Семантическое содержание видов“ (см. с. 176—226; 21—35). Отчасти функционирование видов рассматривается при анализе категории аспектуальности (см. там же, с. 49—59 и соответственно с. 4—5).

³² Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 51. Ср. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст, с. 53.

³³ Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст, с. 53—54. Взаимоотношения категории вида и лексических средств, выражающих длительность, довольно широко анализируются А. М. Ломовым (см. Ломов А. М. Вид и длительность. — В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1974, с. 89—99).

³⁴ Так как тип аспектуального контекста представляет собой „тип соотношения действий, выраженный глагольными формами в сочетании с другими — лексическими и синтаксическими — элементами контекста, влияющими на функционирование видов“, то при анализе этих типов прежде всего учитываются синтаксические элементы контекста, структура предложения, временные формы глагола и их значения и даже синтаксическая функция глагола (см. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 62 и далее).

зателями кратности, которые в таком случае лишь подчеркивают, уточняют семантический признак кратности действия (ср.: он часто, изредка, по субботам... *ходил* в кино). При отсутствии лексических показателей кратность, повторяемость действия выражается самим глаголом. Если же в семантике глагола признак кратности отсутствует вообще, то при необходимости передать его лексические показатели обязательны как восполняющие этот „пробел“ (ср.: *часто* писала, прочитал статью *дважды*). Уточняющая и дополняющая (в плане содержания) функция лексических средств особенно очевидна при переводе и типологии. Например, интенсивная кратность действия в литовском языке выражается при помощи суффикса *-ai-ti*. Глаголы этого способа действия переводятся на русский язык обычно описательным путем, так как соответствующие деривационные морфемы отсутствуют (ср.: *ūžiti* шуметь и *ūžauti* — сильно и часто шуметь; *šaukti* — кричать и *šūkauti* — сильно, время от времени кричать). Следовательно, при переводе используются не только лексические показатели кратности, но и слова, выражающие интенсивность действия³⁵.

И, наконец, интерпретация контекстных значений как частновидовых неубедительна и с точки зрения соотношения этих значений со способами глагольного действия. Так как упомянутые значения являются результатом, следствием взаимодействия лексических средств с различными временными формами глагола сов. или несов. вида, то вопрос о соотношении этих значений со способами действия представляется целесообразным рассматривать в плане сочетаемости глаголов определенных способов с разнообразными лексическими показателями, т.е. в процессе возникновения этих значений. Дело в том, что способы действия не безразличны к выбору лексических средств. Например, глаголы одноактного способа сочетаются со словами, выражающими мгновенность, внезапность и даже кратность однократного действия (ср.: *вдруг махнул* рукой, *несколько раз мигнул, толкнул*), но для них характерно отсутствие сочетаемости с лексическими показателями временной продолжительности действия (типа *одну минуту, несколько секунд*), в то время как глаголы ограничительного способа свободно сочетаются с последними (ср.: *посидел несколько минут, почитал час*), но они не вступают в связь со словами типа *вдруг, внезапно*.

Интересной в этом отношении является концепция диагностирующей сочетаемости (валентности) глагола М. А. Шелякина, „объем которой контролируется наблюдением над изменением семантики глагола при расширении фазовой „глубины“ валентности“³⁶. Диагностирующая валентность глагола применяется автором при анализе приставочных способов действия и считается объективным показателем или критерием изучения определенных значений глагольных приставок³⁷. Например, финитивный способ дей-

³⁵ Следует отметить, что в двуязычных словарях эти семантические признаки не всегда учитываются. Ср. Lyberis A. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. V., 1971; также рец. Галнай-тите Э. А. Литовско-русский словарь. — „Kalbotyra“, 1973, XXIV (2) с. 138.

³⁶ Шелякин М. А. Автореферат, с. 34.

³⁷ См. Шелякин М. А. Функции и словообразовательные связи начпательных приставок в русском языке (к проблеме семантической мотивированности в синтагматическом слое и морфем). — В кн.: Лексико-грамматические проблемы русского глагола. Новосибирск, 1969; Его же. Функции и образование финитивных глаголов в русском языке. — „Pädagogische Hochschule Potsdam“ (Wissenschaftliche Zeitschrift.), 1971, Н. 2.

ствия (глаголы с приставкой *от-*) „объективно диагностируется“, синтагматически характеризуется „только временными словами и конструкциями. Он не допускает других, например, качественных или количественных определителей. Ср. *Они раньше времени отпахались, только что отгрохотал гром...* Но нельзя сказать по-русски: „*отпахаться, отдежурить как слудует, хорошо, быстро, очень*“³⁸. „Если же финитивные глаголы детерминировать локальными показателями в значении места пребывания или творительным предикативным в значении должности, чина, занятия, то они переходят в группу пердуративных глаголов, отвечающих на вопрос „как долго“, и являются синонимами глаголов с приставкой *про-*: *отвоевать четыре года* (на войне), *отслужить два года* (солдатом)...“³⁹.

В работах лингвистов, изучающих частные видовые значения, этот вопрос зачастую решается с точки зрения употребления глаголов того или иного способа действия (или лексико-семантической группы) в определенном частновидовом значении⁴⁰. Следовательно, эти значения (несмотря на то, что они обусловлены контекстом, речевой ситуацией) понимаются как независимые единицы языка: глагол не принимает участия в их выражении, возникновении, напротив, — он употребляется в том или ином частном значении. При такой постановке вопроса затушевывается тот существенный факт, что упомянутые значения вносятся „со стороны“, возникают во взаимодействии глагола с контекстом.

С другой стороны, обращает на себя внимание то, что в отдельных случаях значение способа действия рассматривается как компонент частновидового значения. Например, неограниченно-кратное значение, в выражении которого принимают участие „различные элементы аспектуальности“, включает в себя два значения: 1) значение многократности (которое „может исходить от глагола“ и „обуславливается способом действия“, ср.: *говаривал*) и 2) неограниченно-кратное значение (которое „может исходить лишь от контекста“, т.е. когда в предложении употребляются глаголы других способов действия)⁴¹. Правомерно ли объединение в одно целое двух значений разного типа — деривационного и контекстного? Думается, что нет. С такой интерпретацией неограниченно-кратного значения можно было бы согласиться, если бы здесь речь шла о разных способах (синтетическом и аналитическом) выражения одного и того же значения при помощи различных языковых средств, т.е. глагола (ср. *говаривал, сживал*) и обстоятельственных слов в сочетании с глаголом, не обладающим семантическим признаком кратности (ср. *иногда, часто... говорил, сидел*). Так как значение многократности, выраженное суффиксом *-ива(-ыва-)*, относится к области способов действия, то его,

³⁸ Шелякин М. А. Функции и образование финитивных глаголов в русском языке, с. 291.

³⁹ Там же, с. 292.

⁴⁰ Ср., например: в обобщенно-фактическом значении „употребляются глаголы конкретного физического..., конкретного действия..., глаголы речи“ и др.; в постоянно-непрерывном — „чаще всего выступают глаголы состояния, эволютивные глаголы“ и т.п. (см. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола, с. 29, 30).

⁴¹ Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 57. В книге А. В. Бондарко „Вид и время русского глагола“ значение многократности отдельно не выделяется; однако подчеркивается, что в некоторых случаях „способ действия включается в аспектуальное выражение повторяемости“ (с. 27).

видимо, следовало бы отграничить от контекстных (т.е. частновидовых) значений⁴².

Из сказанного вытекает, что все эти раздробленные вопросы, связанные с изучением частных видовых значений (т.е. с функционированием видов), целесообразнее всего рассматривать в одной плоскости — как закономерности, особенности употребления видов в процессе языкового общения вообще с учетом всей совокупности элементов контекста, каким-то образом влияющей на функционирование видов, взаимодействующей с семантикой глагола, так или иначе уточняющей характер проявления действия. Основным объектом, организующим центром при изучении данной широкой проблемы, безусловно, являются временные формы глагола сов. или несов. видов, от употребления которых зачастую зависят и некоторые так называемые частные видовые значения⁴³, и типы аспектуального контекста⁴⁴. Значения, возникающие в результате взаимодействия форм глагола и контекста в широком понимании, — это как бы дополнительная аспектуальная характеристика протекания действия в целом. Однако, как уже было указано, они не модифицируют общее абсолютное значение видов.

Кроме этого, согласно универсальной теории инварианта и вариантов грамматической формы, все частные значения (варианты) должны выводиться из общего (инвариантного) значения. Но в конкретных исследованиях это положение не всегда подтверждается: сторонники выделения данных значений приходят к неодинаковым выводам. По мнению А. В. Бондарко, все частные значения (главное конкретно-фактическое и производные от него вторичные) сов. вида являются „контекстуально обусловленными вариантами общего грамматического значения совершенного вида“; значения же несов. вида „не могут быть объединены каким-то единым, более широким семантическим признаком“⁴⁵, так как несов. вид является семантически немаркированным членом. Анализируя „синтагматические оппозиции видов во всех глагольных формах“ и считая оба члена видовой оппозиции семантически положительно маркированными, М. А. Шелякин приходит к выводу, что „инвариантные

⁴² Заметим, что подобное разграничение проводится в некоторых работах, посвященных проблеме употребления видов. Так, А. А. Спагис указывает, что под термином „повторяемость действия“ подразумевается: 1) собственно повторяемость (ср. регулярно занимался), 2) многократность (ср. сживал) и 3) многоактность действия (ср. плескались волны). Однако анализируя „видовое“ значение повторяемости, автор имеет в виду лишь „собственно повторяемость“, которая выражается при помощи дополнительных средств (см. указ. соч., с. 262—264). Всесторонне рассматривая „передачу повторяющихся действий“ в форме прошедшего времени и инфинитива, О. П. Рассудова также не учитывает глаголов многократного (итеративного) способа действия (см. указ. соч., с. 45—50; 68—77).

⁴³ См. Рассудова О. П. Указ. соч., с. 8; Бондарко А. В. Вид и время русского глагола, с. 22, 23 и др.

⁴⁴ См. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола, с. 180—226. С учетом наиболее употребительных временных форм глагола, а также инфинитива анализируется употребление видов и возникновение частновидовых значений О. П. Рассудовой (см. указ. соч., с. 17—114). Ср. также Широкова А. Г. Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках. — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971, с. 292—298.

⁴⁵ Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 54, 58. Ср. критическое замечание А. М. Ломова: „Инвариант с „нулевым“ содержанием (т.е. несом. вид. — Э. Г.) не может иметь вариантов“ (см. Аспектуальная характеристика действия и ее типы, с. 68).

значения объясняют и охватывают все его частные значения⁴⁶. Это показывает, что интерпретация частных значений зависит не только от понимания роли контекстных средств, функциональных возможностей видов и т.п., но и от трактовки несоев. вида как неинформативного члена оппозиции. Поэтому представляется правильным замечание А. М. Ломова, что „особенно очевидна переоценка объяснительных возможностей этой теории в сфере славянского глагольного вида: ее применение здесь является причиной того, что учение о синтагматических репрезентантах видовых значений представляет собой самое уязвимое место славянской аспектологии“⁴⁷.

3. Другие интерпретации „частных видовых значений“

Дискуссионность и несостоятельность теории о частных видовых значениях как вариантах общего (инвариантного) значения, таким образом, очевидны. Поэтому в аспектологической литературе последних лет намечается тенденция к пересмотру данного учения. Так, анализируя соотношение номинативных и синтагматических свойств языковых единиц разных уровней и подчеркивая необходимость разграничивать эти свойства, И. Г. Милославский указывает, что такое разграничение не проводится в работах, посвященных русскому глаголу. Автор правильно отмечает, что выделяемые А. В. Бондарко наглядно-примерное, потенциальное и суммарное значения соев. вида зависят от наличия в контексте определенных лексических средств, а „номинативная сущность самих глаголов совершенного вида в таком сочетании ничуть не изменяется“⁴⁸.

Следовательно, то, что некоторыми лингвистами до сих пор рассматривалось как частновидовые значения, по мнению И. Г. Милославского, являясь синтагматическими свойствами глагола, способностью глагола сочетаться с определенными лексическими показателями.

Более обоснованной критике теория общего и частных значений (инварианта и вариантов) применительно к категории вида подвергается в уже упомянутой статье А. М. Ломова „Категория глагольного вида и ее взаимоотношения с контекстом“. Автор убедительно доказал, что лексические средства не модифицируют значения видов, а являются лишь квалификаторами глагольного действия⁴⁹. Вид, как правильно подчеркивает автор, „нельзя считать гетерогенной категорией, передающей (пусть вместе с контекстом) самые разнообразные признаки – от временных до модальных (именно такой вывод заставляет делать привлекаемая для объяснения вида теория общих и частных значений)“⁵⁰. При изучении грамматической категории в динами-

⁴⁶ Шелякин М. А. Автореферат, с. 13; 9–13.

⁴⁷ Ломов А. М. Аспектуальная характеристика действия и ее типы, с. 66.

⁴⁸ Милославский И. Г. О соотношении номинативных и синтагматических свойств языкового знака. – Известия АН СССР ОЛЯ“, 1975, № 4, с. 357. Заметим, что термин „номинативный“ употребляется автором довольно неопределенно.

⁴⁹ Ломов А. М. Категория глагольного вида и ее взаимоотношения с контекстом, с. 57; Его же. Аспектуальная характеристика действия и ее типы, с. 64–70.

⁵⁰ Ломов А. М. Категория глагольного вида и ее взаимоотношения с контекстом, с. 64.

ческом аспекте, по мнению автора, важно „установить закономерности семантического взаимодействия форм, входящих в состав той или иной категории, с функционально однородными средствами других уровней языка, прежде всего с контекстом“⁵¹.

Для изучения категории вида в таком аспекте автор предлагает аддитивную модель функционально-семантического взаимодействия грамматических форм и контекста, отрицающую наличие частных видовых значений. Контакт видовой формы и „аспектуально значимого контекста“, по мнению А. М. Ломова, „строится на основе аддитивного принципа, предлагающего простое сложение их значений, в результате чего и создается аспектуальная характеристика действия. Контекст здесь является не модификатором видовых значений..., а полноправным „партнером“ видовых форм, вместе с ними определяющим коммуникативно значимые признаки действия“⁵². Отсюда вытекают и задачи такого анализа: это — инвентаризация „выражаемых контекстом аспектуальных значений, установление их совместности (несовместности) со значением видовых форм и, наконец, описание основных типов аспектуальной характеристики действия с точки зрения ее состава: является ли она действительно суммарной величиной или из-за неинформативности какого-то одного слагаемого фактически репрезентирована либо только видом, либо только контекстом“⁵³.

На основе функционально-семантического взаимодействия вида и контекста автор выделяет целый ряд контекстных аспектуальных значений (по терминологии напоминающих „частные видовые значения“), подчеркивая при этом, что нет ни одного значения, которое „было бы способно контактировать исключительно с семантикой совершенности и не реализоваться при употреблении глагола в несовершенном виде“⁵⁴. Анализ выделенных контекстных значений и их взаимодействия с видом⁵⁵ убедительно показывает, что аспектуальную характеристику действия нельзя рассматривать „как явление достаточно однородное с точки зрения способа ее содержательной репрезентации“, так как она может представлять собой и „семантический комплекс, складывающийся из значения совершенного вида и значения, сигнализируемого контекстом“, и „совпадать по семантическому объему со

⁵¹ Там же, с. 55.

⁵² Там же, с. 58.

⁵³ Там же, с. 58.

⁵⁴ Там же, с. 58. Ср. замечание И. Г. Милославского, что в частных значениях сов. вида „А. В. Бондарко видит, пусть и преобразованные под влиянием контекста, но все же значения несовершенного вида“ (см.: О соотношении..., с. 357).

⁵⁵ В зависимости от совместности (несовместности) со значениями обоих видов они делятся на две группы. К первой — „совместных со значением обоих видов“ — относятся: 1) кратное, 2) потенциальное, 3) результативное значения, а также 4) „нулевое“ значение, когда „контекст вообще не принимает участия в аспектуальной характеристике действия“. Во вторую группу — „несовместных со значением совершенного вида“ — включаются: 1) конкретно-процессное, 2) констатирующее, 3) квалификативное (ср.: мой брат курит) значения, а также 4) значение запланированности (ср.: завтра утром я уезжаю из Петербурга). Все они во взаимодействии с семантическим содержанием и составляют аспектуальную характеристику действия в целом (Ломов А. М. Категория глагольного вида и ее взаимоотношения с контекстом, с. 58–64; Его же. Аспектуальная характеристика действия, с. 72–88).

значением совершенного вида“, и „определяться исключительно контекстом“ и т.п.⁵⁶

Следовательно, так называемые частные видовые значения в настоящее время некоторыми лингвистами рассматриваются как синтагматические свойства глагола и как аспектуальная характеристика действия, представляющая собой результат взаимодействия контекстных значений и значений видов глагола. Особенно важным в данной области изучения видов, на наш взгляд, является то, что довольно сложные и разнородные взаимоотношения вида и контекста интерпретируются в динамическом аспекте, а значения, зависящие от лексических средств (или контекста в целом), не приписываются видовым формам глагола в качестве вариантов общего значения.

Таким образом, общие (абсолютные) грамматические значения сов. и несов. видов являются молитными и частными значениями не характеризуются. Все глаголы несов. вида обладают обязательным значением неограниченности действия пределом; глаголы сов. вида характеризуются значением ограниченности действия пределом. Контекстные значения, зависящие от аспектуальных средств контекста, — это следствие функционирования видов. Говоря словами А. М. Ломова, „при включении видовой формы в синтагматический ряд происходит простое (аддитивное) сложение смыслов, т.е. абсолютного значения видовой формы и семантики аспектуально значимого контекста, в результате чего возникают своего рода суммарные семантические комплексы, определяющие „аспектуальное лицо“ конкретного действия“⁵⁷ (разрядка наша. — Э.Г.). Эти семантические комплексы или контекстные аспектуальные значения, разумеется, выходят за пределы грамматической семантики видов.

ON VARIANT MEANINGS OF ASPECTS

E. GALNAITYTĖ

Summary

The present paper gives a critical review of two notions concerning variant meanings of aspects: 1) when they are traditionally related to the semantics of a verb, as well as the meaning of the formal element of a morphological nature, i. e. prefix or suffix (N. Avilova, I. Golanov, etc.) and 2) when they are interpreted in terms of the variant theory (J. Maslov, A. Bondarko, O. Rassudova, M. Sheliakin, etc.). The author considers both theories disputable.

The author maintains (and proves it in the present paper) that absolute meanings of aspects are monolithic and devoid of variant meanings. All context-based meanings are aspectual — contextual and they do not modify absolute meanings of imperfective and perfective aspects. It is consequently reasonable to suppose that they should be attributed not to the grammatical semantics of aspects but to the functioning of aspects in speech

⁵⁶ Там же, с. 64; ср. соответственно с. 88.

Ломов А. М. Аспектуальная характеристика действия и ее типы, с. 70.